

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА И СТАБИЛЬНОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Рассматривается проблема укрепления социального порядка и стабильности в белорусском обществе.

The problem of consolidating the social order and stability in the Belarusian society has been examined.

Социальный порядок – сложная и многоплановая категория. Проблема социального порядка возникла одновременно с появлением социальной жизни на Земле. Первые подходы к ее рассмотрению были предприняты еще Платоном и Аристотелем. Интересные наблюдения по этому поводу были сделаны и Ф. Бэконом. В свое время он отмечал, что "когда расшатан любой из четырех столпов, коими держится правление, – религия, правосудие, совет и казна – людям надобно молиться, чтобы их миновала беда"¹. Среди главных причин мятежей он называет "великий голод и великое недовольство". Среди других причин, которые могут послужить поводом к мятежам, он называл "религиозные новшества, налоги, изменение законов и обычаев, нарушения привилегий, всеобщее угнетение, возвышение людей недостойных или чужеземцев, недород, распущенные после похода солдаты, безрассудные притязания какой-либо из партий..."². Им же предлагался и целый ряд мер по недопущению мятежей.

Вместе с тем, проблема социального порядка была ясно осознана с Нового времени. Первые подходы к ее изучению и толкованию были предприняты Т. Гоббсом. Его идею общественного договора на просветительско-утилитаристском уровне развивали Руссо, Гольбах, Гельвеций и Дидро. Данная проблематика нашла свое отражение и в философии традиционалистов, которые обосновывали идеи органического единства общества на основе морально-религиозных принципов. Эти представления о всеобщем согласии были положены затем в основу "позитивной социологии" О. Конта. Социальная солидарность в его толковании основывалась не только на моральном единстве и традициях, но и на усилении роли государства.

Проблема социального порядка, социальной стабильности является основной во всей социологии Э. Дюркгейма. В работе "Социология. Ее предмет, метод, предназначение" он писал, "что в любом обществе существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т.п."³. Большую роль в укреплении социального порядка он отводил морали, отдельные суждения которой со временем становились и юридическими нормами. В зависимости от уровня развития общества различал "механическую" солидарность (для архаических обществ) и "органическую" солидарность (для современного промышленного общества). Большое значение для дальнейшего развития социологии имело введенное им в научный оборот понятие "аномии", с помощью которого Э. Дюркгейм "обозначает состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились"⁴.

Проблема социального порядка и концепция аномии в дальнейшем разрабатывалась и Р.К. Мертоном. В работе "Социальная структура и аномия" он писал, что "сеть ожиданий, составляющая каждый социальный порядок, основывается на желательном поведении членов общества, соответствующих

установленным и, возможно, постоянно меняющимся культурным образцам. Именно вследствие всеобщей ориентации поведения на основные культурные ценности мы можем говорить о массе людей как об обществе"⁵. Здесь он рассматривает усвоение культурных ценностей через такие механизмы, как конформность, инновация, ритуализм.

Идеи Э. Дюркгейма и Р.К. Мертона о роли культуры и преемственности в формировании социального порядка развивал и П. Сорокин. В своей работе "Революция и социология" он писал, что "социальный порядок не случаен, он есть продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу. Это – итог вековых усилий, опыта, стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни. Каждое стабильное общество, сколь бы ни совершенным оно ни казалось с точки зрения "незрелого радикализма", тем не менее является результатом огромного конденсата национального опыта, опыта реального, а не фиктивного, результата бесчисленных попыток, усилий, экспериментов многих поколений в поисках наиболее приемлемых социальных форм"⁶.

Примерно с таких же позиций проблема социального порядка рассматривается и российскими учеными. Анализируя социальные регуляторы человеческой деятельности, А.Г. Вишневский пишет, что "в качестве таких регуляторов выступает вся система общественных отношений, которую каждое поколение получает готовой. Когда мы приходим в этот мир, рельсы, по которым нам предстоит двигаться, уже уложены, правила движения по ним уже написаны. Имеется сложившаяся система как самих отношений между людьми, так и осмысляющей их институциональной и идеологической брони. Есть ценности, нормы, правила поведения в различных ситуациях, есть запреты, санкции за их нарушение, механизмы культуры, которые, воздействуя на разум и чувства, обеспечивают принятие большинством людей того порядка, в котором они живут"⁷.

В самом общем виде понятие социального порядка отражает упорядоченность общественной жизни, логичность и последовательность социальных действий, осуществляемых различными социальными институтами, предсказуемость развития событий и процессов, гарантии безопасности и социальной защищенности, четкость и определенность нормативной базы общества, моральных норм, критериев оценки человека, его труда и достоинства.

В дореформенный период при социалистическом общественном строе существовали стабильность и социальный порядок. Можно соглашаться или не соглашаться по поводу преимуществ и недостатков прежнего общественного устройства, но сегодня трудно отрицать, что в том обществе у людей была уверенность в завтрашнем дне, гарантии на труд, отдых, обеспеченную старость и т.п. Понятно, что в различные периоды своей истории социальный порядок и стабильность в СССР достигались различными средствами и методами. Однако в целом они базировались на сущностных (целевых) чертах социализма. Основными среди них, как утверждает А.П. Бутенко, являлись:

"отсутствие в сколько-нибудь существенных размерах эксплуатации одних общественных групп другими, минимизацию нетрудовых доходов, последовательное и справедливое распределение доходов и потребительских благ по труду;

систематический рост благосостояния народа, последовательное преодоление бедности каких-либо общественных групп;

политическую власть трудящихся, возможность свободного выражения и отстаивания их интересов, высокий уровень демократии, широкое развитие самоуправления;

политическое и культурное равноправие наций, преодоление шовинизма крупных и национализма малых наций, интернационалистический характер отношений между народами;

прочность и многообразие прав человека, неукоснительное соблюдение законов, справедливое и неподкупное правосудие;

высокий уровень нравственности, гуманность общественных отношений, создание благоприятных условий для развития человеческой личности"⁸.

Понятно, что все эти основополагающие принципы социализма носили идеализированный характер и в реальной жизни не всегда выполнялись. Однако они принимались подавляющим большинством граждан, и все это обеспечивало стабильность в обществе. В данной связи можно было бы перефразировать известные слова Ренана следующим образом: "Каждый день функционирования любого социального порядка, по сути, есть плебисцит всех членов общества. И если он продолжает существование, то это значит, что большая часть населения дает свое молчаливое согласие на это"⁹.

В обществах переходного типа, к каковым относится современная Беларусь, с начала 90-х гг. произошло очевидное нарушение социального порядка. Экономический кризис, смена общественного строя сопровождались у нас нарушением основных устоев социального порядка.

Основой социального порядка и стабильности в любом обществе является сбалансированная и устойчивая по материальному положению его социальная структура. Прежде чем приступить к рассмотрению изменений, которые произошли в социальной структуре белорусского общества за период рыночных преобразований, следует отметить, что в отечественной социологии социальная база общества на протяжении многих лет рассматривалась по основанию классовобразующих признаков. Такой подход диктовался логикой материалистического анализа исторического процесса, в основе которого находилась борьба классов. Однако изменения социальной структуры общества в кризисные, переломные этапы сегодня уже невозможно изучать на уровне категориального аппарата, применимого к изучению формационных процессов. Поэтому теорию классового строения общества значительно обогащают концепции слоевой (стратификационной) структуры. Как отмечал Ф.Р. Филиппов, все это "дает возможность получить более выверенную картину социальной дифференциации по широкому кругу признаков"¹⁰.

Социальная структура общества рассматривается и через социальные институты, представляющие собой безличную систему ролей и статусов. В социологии в качестве социальных институтов "рассматривается определенная совокупность учреждений, соответствующих социальной структуре общества; совокупность социальных норм и культурных образцов, определяющих устойчивые формы социального поведения и действия; система поведения в соответствии с этими нормами"¹¹.

Эти два интегральные элементы социальной структуры, которые взаимодополняют друг друга, в современных условиях претерпевают качественные изменения. В связи с этим особенно актуализируется проблема социальной идентификации личности. Не вдаваясь глубоко в существо проблемы, отметим, что наиболее верифицируемым признаком социальной идентификации личности является их материальное положение. Такой подход при изучении социальной структуры белорусского общества был успешно применен социологами НАН Беларуси¹².

В западной социологии среднестатусные маргинальные слои общества (средний класс) рассматриваются как гарант стабильности и социального порядка. Понятие "средний класс" сравнительно недавно применяется в гуманитарных науках в нашей стране. Сегодня еще нет достаточно четких и

однозначных его определений. Но бесспорным является суждение о том, что "главное, что отличает средний класс – это его самодостаточность. Самодостаточен тот, кто сам по себе, без каких-либо внешних подпорок, связей, помощи и т.д., обладает необходимыми достоинствами (качествами), позволяющими самостоятельно решать свои жизненные проблемы, сохранять самоуважение, завоевывать признание окружающих. Средний класс имеет определенный материальный достаток: ни большой, ни малый, а именно такой, который позволяет самостоятельно удовлетворять свои потребности, не впадая ни в вынужденный аскетизм, ни в вызывающее роскошество"¹³.

Существовал ли средний класс при социалистическом строе? При всех сомнениях и неоднозначности суждений по этому поводу целый ряд исследователей косвенно или с оговорками признают существование среднего класса и в нашей стране в доперестроечный период. Статистические данные позволяют достаточно точно определить удельный вес этого класса в дореформенное время в союзном государстве. "По официальным данным Госкомитета СССР, ниже черты бедности находится сегодня (1991 г. – Б.В.) 25% населения, доля состоятельных колеблется от 10 до 13%, остальная часть населения занимает промежуточное положение"¹⁴. Примерно таких же оценок придерживаются и другие исследователи социальной структуры и стратификации. "Исследования 70–80-х гг. постоянно показывали, что основная масса наиболее обеспеченных (элита) охватывает 10–15%, наименее обеспеченных – 15–20%, основная масса находилась примерно на одинаковом горизонте обеспеченности по самому среднему для СССР уровню, а не по западным критериям"¹⁵. Следовательно, исходя из приведенных данных, удельный вес среднего класса в СССР можно определить на уровне 65–75% населения.

Статистическая и социологическая информация, характеризующая изменение материального благосостояния граждан с начала 90-х гг., показывает, что за годы рыночных преобразований была значительно подорвана материальная и социальная основа, на которой базировался средний класс. В этот период шел активный процесс дифференциации населения по материальному признаку. В результате произошло разрушение в нашей стране среднего класса в его советской разновидности. По оценкам экономистов средний класс в общей структуре населения Беларуси в 1995 г. составлял от 2 до 4%¹⁶. По нашим оценкам данный промежуточный слой в 1997 г. насчитывал 9% населения республики. Приведенная информация служит достаточно убедительной иллюстрацией того, что большинство населения оказалось за чертой бедности. Обесценивание труда при стремительном росте цен на продукты питания и товары первой необходимости повышает вероятность социальных конфликтов. Отсюда следует, что низкий жизненный уровень – это не только проблема бедных, но это и проблема устойчивого развития нашего общества.

Приведенные примерные данные численности среднего класса свидетельствуют, что в обществе разрушена социальная основа, на которой базировались стабильность и социальный порядок. Понятно, что уменьшение удельного веса среднего класса в социальной структуре общества ведет к нестабильности и социальным потрясениям. Сегодня идет процесс формирования среднего класса в его чисто буржуазной разновидности. Можно ожидать качественных изменений в характеристике этого "класса" в том случае, если в эти процессы включится та часть населения, которой чужды ценности и бюрократии, и плутократии.

Преобразования во всех сферах общественной жизни, которые на рубеже 80–90-х гг. носили разрушительный характер, вызвали в обществе социальную

дезинтеграцию. Разрушению подвергались доминировавшие ранее в сфере культуры и нравственности идеалы и ценности. При этом суждение Конта о том, что "разрушают только то, что заменяют", новым преобразователям, как союзного государства, так и Беларуси, было чуждо. В ситуации, когда старые ценности были разрушены, а новые еще не были сформированы, "поведение маргинального человека уже не вписывается в рамки прежней системы социального регулирования и еще не вписывается в рамки новой системы. Он живет одновременно в двух мирах, не будучи полностью адаптированным ни к одному из них. Интеграция личности такого человека затруднена, его сознание раздваивается, он легко теряет ориентиры, становится удобным объектом политического манипулирования, сворачивает на дорогу асоциального поведения, впадает в агрессивность или, напротив, социальную апатию и т.п."¹⁷. Падение авторитета властных структур в обществе при одновременном снижении роли других социальных институтов (семьи, школы, трудового коллектива и т.п.) привели к обвальному росту преступности.

Данные Министерства статистики РБ свидетельствуют, что после 1990 г. общее число зарегистрированных преступлений ежегодно, вплоть до 1995 г. включительно, возрастало на 7 и более процентов. Всплески преступности были зарегистрированы в 1992 и 1994 гг., когда число преступлений по сравнению с предыдущим годом увеличилось соответственно на 18,9% и 16,4%. Если в 1990 г. на 10000 населения было совершено 74 преступления, то в 1995 году – 128. За 1990–1997 гг. число таких преступлений, как кража увеличилось в 1,6 раза, разбоев в 2,7 раза, мошенничества в 2,6 раза¹⁸. Социологическая информация, представленная в таблице, показывает, что в 1990–1998 гг. большинство граждан республики выражало свою неудовлетворенность охраной общественного порядка. Поэтому не случайно в последнее десятилетие мотив наведения порядка в обществе являлся доминирующим в массовом сознании. И сегодня на вопрос, на каких проблемах должна быть, прежде всего, сосредоточена деятельность властных структур, люди отвечают, что в первую очередь (после социальной защиты) на укреплении общественного порядка и законности, борьбе с преступностью.

**Уровень удовлетворенности граждан республики охраной общественного порядка
(в % к числу опрошенных)**

	1990 № – 1520	1992 № – 1396	1994 № – 1762	1996 № – 1470	1998 № – 1490
Да	22,0	4,6	2,9	10,0	16,2
Нет	58,0	70,3	82,8	78,4	66,8
Трудно сказать	19,7	19,5	13,9	11,6	15,3
Индекс удовлетворенности	0,38	0,07	0,04	0,13	0,24

Отметим, что проблема наведения порядка в обществе оказалась камнем преткновения для многих руководителей во всех постсоветских государствах. Прежнее правительство Беларуси и Верховный Совет 12-го созыва с ней явно не справились. На этом фоне президентское правление сделало серьезные шаги по удовлетворению неотложных ожиданий населения в этом направлении. Понятно, что без дисциплинирующего начала не может быть порядка, системности. И оно появилось, отодвинув общество от самой опасной эпидемии: хаоса, смутного времени, войны всех против всех. Это объективный факт, и не замечать или отрицать его неразумно и несправедливо.

Трансформация политической и социальной системы в нашей стране затронула коренные интересы всех групп и слоев общества. Курс на смену общественно-экономического и политического строя разделил наше общество на две части, преследующие взаимоисключающие цели. Одна выступает за полную либерализацию экономики страны, другая – за построение социально

ориентированного общества со смешанной экономикой и политической системой, основанной на принципах народовластия.

В этих условиях значительно возрастает в обществе консолидирующая роль всех ветвей власти. Вся политическая работа в этом направлении, прежде всего в представительных органах власти, должна быть сосредоточена вокруг экономических проблем. С начала 90-х гг. депутатами Верховного Совета Беларуси много времени было потрачено на выяснение и отстаивание групповых интересов. Часто решения свидетельствовали о конъюнктурной зависимости многих депутатов от политической ситуации. Больше внимания, чем следует, уделялось пусть и важным, но не столь коренным вопросам. Именно поэтому в массовом сознании в тот период складывалось негативное отношение к властям. И только с середины 90-х годов руководство страны стало более активно налаживать новые хозяйственные связи, заниматься реорганизацией управленческих структур. Больше внимания стали уделять решению проблем создания многоукладной экономики, введения новых форм хозяйствования, формирования новых механизмов мотивации и стимулирования труда.

Социальный порядок и стабильность в стране во многом зависят и от деятельности политических партий и движений. Некоторые из них возникли благодаря личной активности их лидеров, другие отражали политическую волю определенных групп населения. Но все они заинтересованы в расширении своего влияния, создании прочной социальной базы. С этой целью проводится большая организаторская, пропагандистская и агитационная деятельность. Отсюда пестрота лозунгов и установок, популистские тенденции, большой удельный вес политических, сиюминутных требований и обещаний. Вместе с тем на сегодняшний день в республике нет политической партии или движения, способных удержать развитие событий в стране под своим контролем. Однако в определенных ситуациях названные партии могут послужить тем детонатором, который может взорвать мирное протекание социально-экономического и политического процесса в республике.

К субъектам консолидации общества относятся и религиозные конфессии, численность которых за последнее десятилетие увеличилась более чем в три раза. За эти же годы число религиозных общин в Беларуси увеличилось более чем в 2.5 раза. Если в 1988 г. действовало 842 общины, то в 1997 г. — 2120. Всего на территории республики действует 26 конфессий различного вероисповедания: православие, католицизм, протестантство, ислам, буддизм и др. Наибольшее влияние и число общин имеет православная церковь: в 1996 г. она насчитывала 964 прихода. Значительно активизируется деятельность католиков (389 общин в 1997 г.) и протестантов (664 общины в 1997 г.)¹⁹.

Процесс образования и функционирования религиозных общин во многих случаях сопровождается разногласиями, как между различными конфессиями, так и с официальными органами власти, с новыми религиозными течениями. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что большинство населения Беларуси не входит в религиозные общины, государство должно носить светский характер, не оказывать особого благоприятствования каким-либо конфессиям, тем более что политики соседних государств стремятся использовать религиозные конфессии на Беларуси для своего влияния. Следует поддерживать патриотическое отношение к белорусскому государству религиозных общин.

Определенную роль в деле стабилизации или обострения общественно-политической ситуации могут сыграть СМИ. Вместе с тем социологи отмечают, что доверие к ним за последние годы резко снизилось. По результатам нашего социологического исследования, проведенного в октябре 1998 г.,

о доверии граждан к СМИ заявили только 21,3% респондентов. За недоверие к ним высказывалось в два раза больше граждан. Частота использования СМИ (просмотр телевизионных, прослушивание радиопередач, чтение газет) и доверие к ним соотносятся примерно как 3:1. Это свидетельствует о снижении их возможностей, как в деле консолидации общества, так и в плане их влияния на развитие социально-экономических и политических процессов в республике.

Социологические исследования свидетельствуют о том, что массовое сознание белорусского общества остается неустойчивым, заметны проявления противоправного поведения, агрессивности, неадекватных реакций на новые условия жизни. Оно отличается крайней противоречивостью и идейно-политическим многообразием. Куда склонится чаша весов – во многом будет зависеть от основных субъектов политического процесса. В то же время ими не были предприняты попытки поиска путей к согласию в обществе, выработки консенсуса. прежде всего, в сфере экономических преобразований. Случилось так, что именно спорные, дискуссионные проблемы приобрели первостепенное значение.

Таким образом, проблема укрепления социального порядка и стабильности в белорусском обществе сохраняет свою актуальность. В этих условиях следует искать путь к согласию и консолидации общества. Для этого необходимо расчистить политическое поле от легковесных взаимных обвинений в предательстве, подкупе, непатриотичности и т.д., отказаться от пропаганды образа врага с той или иной стороны. Достаточно обратиться к любой из действительно судьбоносных для страны и животрепещущих для населения проблем, таких, например, как выход из экономического кризиса, ликвидация последствий аварии на ЧАЭС, повышение уровня жизни и социальной защиты, развитие культуры, науки, образования, здравоохранения и т.д., чтобы понять, сколь велик круг общих и неотложных забот. Они и образуют зону согласия, невзирая на политические пристрастия. Именно этого требует население, предлагая отложить до лучших времен выяснение, кто больше прав в идейных исканиях.

¹ Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. 2-е, испр. и доп. изд. Т.2. М., 1978. С.382.

² Там же. С.383.

³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С.190.

⁴ Там же. С.331.

⁵ Мертон Р.К. Социальная структура и аномия. Социологические исследования. 1992. №3. С.104.

⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.393.

⁷ Вишневский А.Г. Социальные регуляторы и человек // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С.52.

⁸ Социальные ориентиры обновления: общество и человек. 1990. С.44–45.

⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.294.

¹⁰ Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.776.

¹¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.209.

¹² См.: Шавель С.А., Рубанов А.В., Смирнова Р.А. Социальная стратификация, мобильность, идентификация. Мн., 1998.

¹³ Там же. С.117.

¹⁴ Реформирование России: мифы и реальность (1989–1994). М., 1994. С.56.

¹⁵ Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России. Кн.1. М., 1995. С.33.

¹⁶ См.: Васюченко Л.П. Баланс социально-экономических и социально-политических сил в Республике Беларусь. 1995. С.12.

¹⁷ Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С.68.

¹⁸ См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь. Мн., 1997. С.222; Республика Беларусь в цифрах. Мн. 1998. С.132.

¹⁹ См.: Канфессі на Беларусі (к.ХVІІІ–ХХ). Мн., 1998. С.320–321.